

ДУШЕПОЛЕЗНОЕ ЧТЕНІЕ

ГОДЪ ДЕВЯТЫЙ.

1868.

НОЯБРЬ.

Вслѣдствіе опубликованнаго недавно новаго распоряженія почтоваго начальства о разсылкѣ повременныхъ изданій съ 1869 года, цѣна за пересылку Душеполезнаго Чтенія въ 1869 году увеличивается на 25 копѣекъ: иногородные подписчики благоволятъ присылать въ Редакцію за годовое изданіе съ пересылкою не 3 р. 50 к., какъ было доселѣ, а 3 р. 75 копѣекъ, и съ своими требованіями и адресами по прежнему обращаться прямо въ Редакцію.

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи (Катковъ и К^о),
на Страстномъ бульварѣ.

ОБЪ ИЗДАНИИ ЕЖЕМЪСЯЧНАГО ЖУРНАЛА

„ДУШЕПОЛЕЗНОЕ ЧТЕНІЕ“

ВЪ 1869 ГОДУ.

Изданіе журнала Душеполезное Чтеніе, при помощи Божіей, будетъ продолжаемо въ 1869 году на прежнихъ основаніяхъ. Редакція постарается остаться вѣрною своей первоначальной задачѣ — служить духовному и нравственному наставленію христіанъ, удовлетворять потребности общеназидательнаго и общепонятнаго духовнаго чтенія.

ВЪ СОСТАВЪ ЖУРНАЛА БУДУТЪ ВХОДИТЬ ПОПРЕЖНЕМУ:

1) Труды, относящіеся къ изученію Св. Писанія. По этой части редакція будетъ продолжать начатый ею въ 1866 году трудъ истолкованія церковныхъ чтеній изъ Св. Писанія, извѣстныхъ подъ именемъ *паремій*. 2) Статьи догматическаго и правоучительнаго содержанія. При семъ не будутъ упускаемы изъ виду современныя явленія въ общественной жизни, согласныя или несогласныя съ ученіемъ и установленіями православной Церкви. Иногда обсужденію этихъ явленій будутъ посвящаемы особыя статьи. 3) Разсказы изъ общей церковной исторіи, и изъ исторіи русской Церкви. 4) Воспоминанія о лицахъ, замѣчательныхъ по заслугамъ для церкви и по духовно-нравственной жизни. 5) Статьи относящіяся къ православному Богослуженію. 6) Очерки изъ священной географіи. 7) Общепонятное и духовно-поучительное изложеніе свѣдѣній изъ наукъ естественныхъ. 8) Описаніе путешествій ко святымъ мѣстамъ. 9) Миссіонерскія записки. 10) Свѣдѣнія и сужденія о расколѣ. 11) Разныя извѣстія и замѣтки.

Душеполезное Чтеніе попрежнему будетъ выходить ежемѣсячно.

Цѣна годовому изданію въ Москвѣ остается прежняя: 3 р. с.; съ доставкою въ домъ жителямъ Москвы — 3 р. 50 к.; а съ пересылкою иногороднымъ, вслѣдствіе новыхъ почтовыхъ правилъ, 3 р. 75 к. с.

См. слѣдующую страницу обертки.

АРХИМАНДРИТЪ МИТРОФАНЪ.

НАСТОЯТЕЛЬ МОСКОВСКАГО БОГОЯВЛЕНСКАГО МОНАСТЫРЯ.^(а)

Не ограничиваясь сочиненіемъ однихъ проповѣдей, архимандритъ Митрофанъ перевелъ на русскій языкъ какую-то древнюю славянскую рукопись, и переводъ свой подъ заглавіемъ: *Будильникъ или христіанскія чтенія о памяти смертной*, представилъ преосвященному митрополиту Филарету на усмотрѣніе, съ изъявленіемъ желанія напечатать. Черезъ нѣсколько времени, владыка отправилъ къ нему письмо слѣдующаго содержанія:

«Не препятствую вамъ, отецъ архимандритъ, будить спящихъ вашимъ *Будильникомъ*, бдущимъ на *четверочастной колесницѣ*; но не могу сказать, чтобы выборъ вашъ былъ хорошъ. Вы хорошо сдѣлали, что пропустили Овидіевы превращенія, которыми будильникъ хочетъ изъяснять духовныя истины: но по сему могли вы примѣтить, до какихъ нелѣпостей доводитъ писателя мнимое краснорѣчіе и остроуміе. Почти во всемъ, что онъ говоритъ, является принужденнымъ, празднословнымъ, одностороннимъ. Надобно ли исписать листъ, упомянуть объ оракулахъ, о сивиллахъ, о философахъ, объ Александрѣ Великомъ, привести Тертулліана, Кипріана, Сенеку, чтобы доказать, что все умираемъ? Онъ рассказываетъ выдумки, приводитъ темныя свидѣтельства подъ названіемъ прекрасныхъ, въ простыхъ словахъ находитъ смыслъ, котораго въ нихъ нѣтъ. Надобенъ ли странный рассказъ, что Ной роздалъ потомкамъ кости Адама, кому руку, кому ногу, чтобы вывести заключеніе: все умираемъ?»

(а) Окончаніе. См. октябрьскую книжку.

«Изъ тробовой гнилости рождается новый человѣкъ. Что это значитъ?»

«Къ зачатію новаго человѣка не требуется ни продолженія времени, ни великихъ трудовъ, ни усилія. Сей новый человѣкъ рано зачинается и весьма скоро рождается. Сіе бываетъ отъ одного воззрѣнія. Правда ли это? Вспомните слова апостола: чадца моя, имже паки болюзную?»

«Больше сей книги надобно было бы написать, если бы показать все, что въ ней сказано не въпасть. Окт. 17. 1847 г.»

Кромѣ проповѣдей архимандритомъ Митрофаномъ напечатаны (Губ. вѣд. 1847 г.) слѣдующія его произведенія: 1) *Сказаніе о чудотворной иконѣ Знаменія пресв. Богородицы*, почерпнутое изъ житія св. Іоанна, архіепископа Новгородскаго; 2) *Нѣчто достопамятнаго о Моск. Боявленскомъ монастырѣ*, въ 12-ти статьяхъ, изобилующихъ краснорѣчіемъ; 3) *Церковь преп. Марона чудотворца*, въ Москвѣ (что въ старыхъ панѣхъ) и 4) *Свѣдѣнія о св. Маронѣ чудотворцѣ*.

Замѣчательнъ разсказъ его, подъ заглавіемъ: *предвкусеніе силы грядущаго вѣка*, написанный имъ въ санѣ священника, и только недавно напечатанный въ «Душеполезномъ Чтеніи» (1866 г. ч. 2-я, Извѣстія и замѣтки, стр. 10—19): Необыкновенное происшествіе, описываемое здѣсь, «есть одно изъ тѣхъ, которыми разрѣшаются нѣкоторыя недоумѣнія наши въ наукѣ о душѣ и проясняются нѣкоторыя тайны ея состоянія за гробомъ» (предисловіе).

Митрофанъ, по его собственному сознанію, поэтомъ не рожденъ; но любовь къ поэзіи была въ немъ столь велика, что и во снѣ онъ иногда сочинялъ стихи, которые послѣ записывалъ. Изъ его стихотвореній извѣстно въ печати: *Хвалебное приношеніе вѣры новопрославленному святителю Митрофану*, въ 5-ти пѣсняхъ (М. 1836 г.). По поводу этого сочиненія, членъ цензурнаго комитета при Моск. дух. академіи, блаженной памяти протоіерей Ѳ. А. Голубинскій, написалъ сочинителю (тогда бывшему священникомъ) два письма, которыя мы помѣщаемъ здѣсь, въ сокращенномъ видѣ.

1. «Съ душевнымъ удовольствіемъ я получилъ и прочелъ стройныя ваши пѣснопѣнія въ честь и славу св. Митрофана. Въ одобреніи ихъ къ напечатанію не можетъ быть никакого сомнѣнія. Только позвольте попросить васъ, не можно ли вамъ исправить слѣдующіе стихи:

Въ IV пѣсни: *старецъ хилый*... Хорошо сказать такъ о старцахъ обыкновенныхъ, но не о св. Митрофанѣ. — ...*Прахъ анахорета*. Очень хорошее слово (Анахоретъ) въ нынѣшнемъ слогѣ; но не въ устахъ св. Митрофана. Онъ такъ едва ли говорилъ. — *Шумитъ сердитою волной*... Не видно близкаго сходства между шумомъ сердитыхъ волнъ и тихимъ стеченіемъ народа къ гробу святаго.

Въ V пѣсни: *повѣй, повѣй еще, бывшее*. Слово: *бывшее* очень хорошо въ балладахъ, элегіяхъ и романахъ: но кажется еще не введено въ слогъ эпическихъ стихотвореній.

«Дохнулъ и все родное пало,
И съ корнемъ вырвано изъ нѣдръ».

Слишкомъ много сказано. И въ нашъ вѣкъ не всѣ заражены страстью къ лжемудрованіямъ; и въ золотые годы Екатерины было не мало вольнодумцевъ, еще хуже нынѣшнихъ.

Сообщая вамъ сіи замѣчания, надѣюсь, что вы припишете оныя истинному побужденію, изъ котораго произошли оныя, т. е. искреннему желанію, чтобы прекрасное стихотвореніе ваше было какъ можно совершеннѣе и свободнѣе отъ притязаній критики.... 1835 г. ноября 3-го дня».

2. «Приношу вамъ усердѣйшую благодарность за дорогой и любезный подарокъ книжки вашего гимна св. Митрофану. Вы доставили мнѣ пріятное удобство не только самому услаждаться перечитываніемъ изліяній чистой души вашей, воспламененной усердіемъ къ великому угоднику Божію, но и раздѣлить это услажденіе съ другими. По нынѣшней же почтѣ отправляю въ Воронежъ четыре книжки ваши, и одну изъ нихъ приношу въ даръ преосвященнѣйшему Антонію. Какъ желалъ бы назвать ему имя сочинителя, чтобы онъ помянулъ это имя предъ мощами Святителя! но не имѣя на то вашего позволенія, не смѣю быть откровеннымъ; по крайней мѣрѣ напишу только одно имя Михаила, не сказывая, кто этотъ

Михаиль.... Дай Богъ, чтобы многіе въ нашемъ отечествѣ съ усажденіемъ и пользою читали это выраженіе усердной вѣры, и читая, болѣе и болѣе воспламенялись огнемъ вѣры и благовѣрія къ угоднику Божию! Дай Богъ вамъ за душевное ваше приношеніе вѣры удостоиться благихъ даровъ Святителя здѣсь на землѣ и нетлѣннаго вѣнца въ вѣчности.. 1836 г. мая 10-го дня».

Весьма замѣчательно произведеніе Митрофана: *Радонежскій пустынникъ, св. Сергій чудотворецъ*, жизнеописательное стихотвореніе въ девяти пѣсняхъ (1849). Преосв. Пароеній писалъ о немъ сочинителю: «я читалъ и читаю его съ душевнымъ усажденіемъ, радуясь, что священный огонь поэзии доселѣ теплится внутри васъ и свѣтитъ вѣ». Николай, епископъ Калужскій, бывшій викарій Московскій (1831-34), замѣчаетъ въ письмѣ (отъ 6-го августа) къ нему: «какая плавность и стройность въ стихахъ вашихъ безъ всякой потери мыслей! Это вашъ даръ, о которомъ я зналъ еще въ Тамбовѣ (гдѣ былъ ректоромъ семинаріи), куда вы писывали стихами къ А. А. Колоколову. Этотъ даръ вашъ и доселѣ въ васъ не старѣетъ. А тому прошло уже двадцать лѣтъ. Какъ вы, а я старъ; уже за 60-ть лѣтъ. Желаю вамъ юнѣтъ. Поэты, по сильному ихъ воображенію и живости, способны къ тому, нежели прочіе. Да будетъ это такъ!»

«Жизнь великаго угодника, — писалъ къ автору Ѳ. Е. Яковлевъ, сама по себѣ есть красота чудная, привлекательная, нестарѣющая, какъ нетлѣнность его тѣла, и неувядаемая, какъ благодать. Она, конечно, вдохнула вамъ изложеніе стройное, проникнутое духомъ вѣры, благочестія и назидательности. Предчувствіе ваше, выраженное въ стихѣ:

«Дерзай! Миѣ тайное вѣщаетъ вдохновенье.

оправдалось, какъ нельзя лучше. Душа ваша, какъ видно изъ всего сочиненія, рада была святому впечатлѣнію и нашла благопріятный случай развить настроеніе затаенныхъ чувствъ вашего богомыслія.... Я не поверхностно прочелъ вашу поэму и не безотчетно любовался ею.... Есть въ ней описанія, которыя замѣтны своей живописью; напримѣръ,

вотъ описаніе нравовъ нашихъ предковъ (стр. 8); нельзя прочесть его безъ особеннаго удовольствія:

Языкъ не утонченъ учтивостью бездушной,
Но въ искреннихъ сердцахъ, при простотѣ радушной,
Хранилось дружество до двери гробовой,
Какъ лучшій благи земныхъ источникъ родовой....

«Это вырвалось прямо изъ глубины любящаго вашего сердца. И стихъ плавенъ и языкъ пріятенъ; поэзія сердца всегда была истинной поэзіей. Описаніе старца ⁽⁶⁾ красиво и величественно (стр. 19.):

Величественъ былъ видъ священнаго лица:
Сребристой сѣдиной, во образъ вѣнца,
Глава его съ бородой почтенно украшалась,
И мантия съ ramenъ волнами внизъ спускалась;
Онъ взоры возводилъ умильно на востокъ,
И съ старческихъ ланитъ струился слезъ потокъ.
Чуть движимы уста молитву совершали,
И вздохи тихіе грудь старца колебали.

«Если бы явился теперь кому бы то ни было такой благовидный старецъ, то остановилъ бы и взоры и вниманіе и благочестивое къ нему уваженіе. Чѣмъ ближе поэзія подходитъ къ натурѣ, тѣмъ становится интереснѣе; потому что сама натура, которой мы любуемся, есть поэзія; на ней лежитъ печать вѣчнаго вдохновенія. Стихотворецъ ошибается, если хочетъ украсить природу; фантастическія украшенія ослѣпляютъ, но не привлекаютъ: это кимваль бряцающій.

«Отроческое поведеніе Сергія (стр. 27. 28) очерчено счастливыми стихами. Они столько же наивны, какъ сердечное расположеніе святаго отрока, — разнообразны, какъ труды его, и сосредоточены, какъ благодать, рано его посѣтившая. И отрочество и изложеніе его соединенно дѣйствуютъ на душу пріятными ощущеніями.

«Воспоминаніе усопшихъ, которыхъ мы сердечно любили, читается съ теплотою сердечной. Истинная любовь не ограничивается временемъ. Какъ ни страшнымъ рубежемъ

(6) Въ одинъ день отецъ послалъ Варѣоломея (прежнее имя св. Сергія) искать коней. На полѣ подъ дубомъ увидѣлъ онъ незнакомаго старца, черноризца, пресвитера....

кажется гробъ, она переступаетъ чрезъ него, сохраняетъ свои чувства, и, если нѣтъ болѣе на свѣтѣ ея любимца, бесѣдуетъ съ его могилой. Стихи (стр. 42) выразительно передаютъ эту мысль, и навѣваютъ на душу — тихую, благочестивую задумчивость, въ которой предчувствіе другой жизни и будущее соединеніе душъ притупляютъ ужасъ смерти.

Но пища для любви воспоминанье милыхъ;
Ей слезы сладостны; съ ней мы, въ мечтахъ унылыхъ,
Всѣхъ любимъ средь могилъ задумчиво ходить,
И тайны грустныхъ думъ съ усоншими дѣлать!
Любовь горячая, какъ чистый неба пламень,
Блюдетъ ихъ милый прахъ, вливаетъ чувства въ камень,
Стоящій, какъ скрижалъ заветныхъ сердца словъ,
На рѣзкой грани двухъ сосѣдственныхъ міровъ.
Любовь заботливо ихъ гробы посѣщаетъ,
И души ихъ своей молитвой улаживаетъ!

«Описаніе пустынного лѣса (стр. 47) очень живописно:

Взошли (в) и надъ головой ихъ дубы вѣковые,
И сосны черныя, и ели гробовыя,
Накинувъ свой покровъ, затмили сводъ небесъ:
Казалось, что и міръ совсѣмъ для нихъ исчезъ.
Далекій отъ жилищъ лѣсъ дикій, непроходный
Пустынножительству давалъ пріютъ удобный.
Не достигалъ сюда ни взоръ, ни слѣдъ людской,
Ни съ сѣтью звѣроловъ, ни дровосѣкъ съ пилой
Не приходилъ смущать сонъ дѣвственной дубравы и проч.

«Ландшафтъ дикій, мастерски схваченный съ природы. «Пустынноительство изображено прекрасно (стр. 48 до 52). Контрасты много придаютъ ему разнообразія и занимательности. Простыя вещи въ рукахъ святыхъ становятся выше драгоценностей, равно какъ и самые святые мужи, ничего не значущіе въ глазахъ міра, возвышаются предъ Богомъ, какъ звѣзды Божіи.

Они заброшены, забыты какъ невѣжды,
Въ вертепахъ, въ пропастяхъ безъ пищи, безъ одежды,
Какъ странники земли, какъ мученики слезъ;
Но соль земли они, наслѣдники небесъ.

(в) Родные братья Стефанъ и Варооломей, пища мѣста для пустынноительства, вошли въ густой, дремучій боръ.

«Искушенія подвижниковъ изложены съ довольною подробностью (стр. 61—65). И точно,

Въ страну безстрастїа, чтобъ Божій миръ вкусить,
Какъ трудно съ плотію путь ровный проложить!

«Появленіе медвѣдя картинно:

Косматый ломитъ все мѣгучею стопою,
Реветь грозой, трясетъ сердитою главою,
Сверкаетъ молніей неистовыхъ очей,
И съ пастью страшною у самыхъ сталъ дверей.

«Много и другихъ примѣчательныхъ мѣстъ находится въ вашей поэмѣ; выписаны мною тѣ, которыя болѣе другихъ бросились въ глаза, отличаясь, кромѣ внутренняго достоинства, стихомъ стройнымъ, благозвучнымъ и красивымъ. Да и вообще стихосложеніе ваше было бы очень прїятно, если бы не врывались въ него иногда формы словъ славянскихъ, какъ то: власы, млеко, брега, воспрянуть, чревоносящая и прочія... Впрочемъ замѣчаніе мое не походить на придирки нашихъ крикуновъ журналистовъ, которые смотрятъ въ увеличительное стекло на пылинки, а горы другихъ достоинствъ въ то же время ускользаютъ изъ ихъ глазъ. Въ нашемъ сочиненіи, безъ преувеличенія скажу, горы благочестивыхъ мыслей, чистой нравственности и религіозности».

Неизданными остаются: *Пѣснопѣіе* (изъ 4-хъ пѣсней) св. мученикамъ *Сергію и Вакху*, составленное въ 1846 году; *Св. Алексій, Божій человекъ*, стихотвореніе въ 5-ти пѣсняхъ, 1849 года. Въ послѣднее время жизни своей о. архимандритъ сочинялъ духовное стихотвореніе, подъ заглавіемъ: *Товій*, и только успѣлъ написать 5 пѣсень объ этомъ извѣстномъ библейскомъ лицѣ. Въ началѣ одного изъ поименованныхъ стихотвореній (св. Сергій и Вакхъ), эпиграфъ составляютъ слова: *мнѣ же злыло чести быша друзи Твои, Боже!* (Псал. 138, 17.) Благочестивый писатель имѣлъ право примѣнять ихъ къ себѣ.

Знакомый съ иностранными языками, Митрофанъ въ 1843 г. издалъ въ свѣтъ: *Пять сатиръ Горация въ стихахъ*, переводъ съ латинскаго. Въ слѣдующемъ году, «желая споспѣшествовать духовному благу поступающихъ въ монаше-

ство», онъ просилъ архипастырскаго благословенія издать переводъ книги Людовика Франциска Блозія, подъ заглавіемъ: *Speculum religiosorum* ^(г). Осторожный архипастырь не согласился на это. Вотъ подлинныя его слова. «Фев. 28. Чѣмъ болѣе уважаю благонамѣренный трудъ, тѣмъ болѣе прискорбно мнѣ, что не могу одобрить напечатаніе сего сочиненія, особенно въ настоящемъ его видѣ. Нѣкоторыя мѣста въ переводѣ не ясны, и подвержены неправильному приложенію. Нѣкоторыя наставленія такъ приспособлены къ практикѣ монастырей Западной церкви, что въ отношеніи къ православному монашеству будутъ частію неясны, частію противорѣчащи принятымъ отъ святыхъ отецъ правиламъ. Есть ученія, кромѣ замѣченныхъ цензурою, въ духѣ западной мистики изложенныя односторонно, и потому подверженныя неправильному приложенію. Монашество православное не скудно наставленіями святыхъ отецъ и не имѣетъ нужды быть переучиваемо по западнымъ руководствамъ; а если имѣетъ нужду, то въ новыхъ, болѣе удовлетворительныхъ переводахъ книгъ отеческихъ, или въ извлеченіяхъ, приспособленныхъ ко удобнѣйшему употребленію.»

Впрочемъ трудъ Митрофана не былъ напрасенъ; по исправленіи и сокращеніи, переводъ его былъ помѣщенъ сперва въ «губернскихъ вѣдомостяхъ» 1847 г., а въ 1849 году изданъ

(г) Сначала онъ послалъ свой переводъ въ цензурный комитетъ. «Возвращая къ вашему высокопреподобію тетрадки вашего перевода», писалъ цензоръ протоіерей П. С. Делицынъ (отъ 8-го февраля 1844 г.), «признаю нужнымъ довести до вашего свѣдѣнія о существующемъ указѣ св. Синода, по которому «сочиненія духовныхъ лицъ должны быть принимаемы въ цензуру и достойныя по разсмотрѣніи одобряемы къ напечатанію не иначе, какъ если тѣ сочиненія войдутъ туда съ вѣдома и разсмотрѣнія епархіальнаго преосвященнаго.» Правда, что указъ сей состоялся еще 23 ноября 1822 года, т. е. до Высочайше утвержденнаго устава нынѣшней цензуры, и повидимому простирается на сочиненія, а не на переводы; но нашъ комитетъ особенно руководствовался и руководствуется онымъ въ разсужденіи лицъ московской епархіи, потому что таковое положеніе измышлено нашимъ владыкою и ему весьма памятно. А потому...не излишне будетъ до приступленія къ печатанію испросить позволеніе и благословеніе его высокопреосвященства.»

отдѣльною книжкой, подъ заглавіемъ: *Наставленія христіанину для руководства въ религіозно-нравственной дѣятельности (въ письмахъ), составленные по Блозію*. Преосв. Пареній писалъ къ издателю: «и еще отъ васъ подарокъ для душевной пищи! Трудъ благочестивый, дѣло святое! Это въ родѣ подражанія безцѣнной книжкѣ: «Подражаніе Іисусу Христу». Истинно-христіанскіе, практическіе уроки для преуспѣянія въ разумѣ духовномъ и благочестіи! И для трудившагося питательно, и для читателя христіолюбиваго спасительно. Благоволите выслать 25 экземпляровъ, съ означеніемъ цѣны, для ищущихъ спасенія. Предметъ вами избранъ очень интересный. Я бы считалъ не излишнимъ разширить объемъ книжки дополненіемъ важнѣйшихъ истинъ вѣры и христіанскихъ обязанностей, въ родѣ: *Брань духовная*, изданная и сочиненная Итальянцемъ Лаврентіемъ Дономъ Скуполи.»

Въ апрѣлѣ 1844 года, на разсмотрѣніе московскаго іерарха былъ представленъ о. Митрофаномъ опытъ перевода (съ латинскаго) нѣкоторыхъ писемъ св. Григорія Двоеслова, съ приложеніемъ оглавленія и другихъ вѣроучительныхъ писемъ его, избираемыхъ для перевода и изданія въ свѣтъ. Мудрый архипастырь отвѣтствовалъ (отъ 21-го іюня 1845 г): «Изъ писемъ Св. Григорія можно сдѣлать выборъ, и составить собраніе занимательное и полезное. Но выборъ долженъ быть внимательный, и переводъ точный и ясный. Напримѣръ, письма, въ которыхъ святой Григорій полагаетъ, что солдату, не выслужившему узаконенныхъ лѣтъ, надобно дозволить идти въ монастырь, не полезно переводить, и цензура не должна одобрить къ напечатанію такіа письма.»

О. архимандритъ снова представилъ на разсмотрѣніе митрополиту переводъ нѣкоторыхъ твореній Григорія Двоеслова, какъ видно изъ слѣдующаго отзыва московскаго святителя о семъ трудѣ: «Возвращаю рукопись. Много читать нѣтъ времени, и, признаюсь, утомительно.»

«Изъ писаній Св. Григорія Двоеслова самая удобочитаемая книга есть Разговоры. Въ прочихъ многое можетъ быть сокровищемъ, если выбрать и отдѣлить: но иное затрудняетъ.

«Обличеніе тягчае, нежели наказаніе». Не правда.—

arguere больше, нежели corrigere. Но когда вы перевели сіи слова примѣнительно къ славенскому тексту псалма: мысль получила ложный видъ.

«Послѣ смерти переходятъ къ жизни черезъ огонь испытанія.»— Это немножко пахнетъ западомъ, и, можетъ быть, не отъ сочинителя, а отъ издателя. Одинъ изъ издателей сего писателя хвалился въ предисловіи, что очистилъ его отъ мнѣній благопріятствующихъ не Римлянамъ. Издатели сего писателя также признаются, что есть жалобы на произвольность смысловъ, которые онъ даетъ текстамъ. Просвѣщенные и благорасположенные люди уважатъ въ семъ нравственное и духовное направленіе: а простые такими образцами сбиваются съ пути. Посему будетъ ли трудъ вашъ по читателямъ и общаетъ ли желаемый плодъ?— Предоставляю вамъ разсудить и рѣшить сіе. Не препятствую: но одобреніе произнести сомнѣваюсь. Окт. 31, 1847».

Митрофанъ перевелъ также на русскій языкъ нѣсколько писемъ (57) блаж. Іеронима, трактатъ его о подвижничествѣ, нѣкоторыя изъ твореній св. Кипріяна, блаж. Августина и др. На французскій языкъ переложены имъ: «Богомысленное размышленіе» св. Димитрія Ростовскаго о пресвятыхъ страстяхъ Господа нашего Іисуса Христа», и пять поучительныхъ словъ митрополита Филарета. По прочтеніи какой-то иностранной статьи, полученной отъ Митрофана въ рускомъ переводѣ, владыка увѣдомилъ его: «не смущайтесь французскимъ безуміемъ. Сказка о истязанныхъ будто бы Римско-католическихъ монахиняхъ теперь, кажется, и отъ самаго римскаго двора объявлена сказкою, не имѣющею основанія» (Март. 8, 1846).

Митрофанъ имѣлъ рѣдкій даръ располагать въ свою пользу людей. Онъ имѣлъ счастливую наружность: его величественная осанка внушала почтительность къ нему; его открытый видъ съ пріятной улыбкой на устахъ — любовь къ нему. Въ обращеніи съ нимъ всякій могъ цѣнить его добрую, открытую и дружелюбную душу. А рѣчь его, всегда умная, живая, и растворенная сердечностію, была такъ увлекательна, что все любили говорить съ нимъ и слушать его. У него бывали многіе не только для пріятнаго собесѣдованія, но и

за словомъ совѣта, за утѣшеніемъ въ скорбяхъ, или за вѣщественною помощію, и уходили отъ него удовлетворенные. Онъ и самъ бывалъ у родныхъ, къ которымъ постоянно питалъ нѣжную привязанность, у своихъ старинныхъ пріятелей ^(а), для ласки и привѣта, или чтобы раздѣлить съ ними «честную трапезу»; но не тяготился и одиночествомъ, которое ведетъ въ общество небесное.

«Сию и въ тайнѣ ублажаю

«Мой одинокій, тихій бытъ.

Свободное время онъ, обыкновенно, посвящалъ чтенію духовныхъ книгъ и собственнымъ духовнымъ сочиненіямъ и переводамъ. Въ послѣдніе годы жизни своей трудился, ни зная устали, нерѣдко «съ часовъ полночныхъ»; даже выучился по англійски, такъ что могъ писать на этомъ языкѣ. Но ни усиленные занятія, ни общество, ни друзья — ничто не могло заглушить оставшееся въ немъ послѣ сердечныхъ утратъ чувство грусти, которое по временамъ находило на него, особенно подъ конецъ жизни. Онъ самъ выразилъ это въ стихахъ своихъ, въ этомъ вѣрномъ зеркалѣ души его:

Братья, други! грустно мнѣ

Съ вами въ дольнѣй сей странѣ!

Я люблю васъ, други, братья!

Всѣ вы Божія семья.

Сладки ваши мнѣ объятія,

Съ вами жизнь красна моя.

Но тоскѣ моей простите,

Съ миромъ къ приснымъ отпустите...

Эта грусть, при содѣйствіи благодати, переходила у него въ *печаль яже въ Бозѣ* (2 Кор. 7, 10), и изливалась въ молитвѣ и слезахъ; то были слезы уже не мірской тоски, безотрадныя и горькія, а духовнаго умиленія. Сынъ его Нилъ Михайловичъ сообщилъ намъ слѣдующее: однажды вмѣстѣ съ родителемъ, я слушалъ вечерню въ алтарѣ соборной церкви Знаменскаго монастыря. Родитель мой, слѣдя за канонархомъ, сказывавшимъ стихиры, пѣлъ довольно громко, и

(а) Таковъ былъ протоіерей Троицкой на Арбатѣ церкви С. И. Тихомировъ-Платоновъ (+ 1866 г.), другъ и Ѳ. Е. Яковлева.

голосъ его, сливаясь съ голосами поющихъ монаховъ, приятно раздавался подъ сводами алтаря. Когда запѣли умиленный тропарь: «къ Богородицѣ прилежно нынѣ притецемъ», тогда голосъ началъ стихать и наконецъ замолкъ... Я взглянулъ на моего родителя. Онъ стоялъ, сложа крестообразно руки на груди своей; его кроткій взоръ неподвижно устремленъ былъ на икону Богоматери, и обильныя горячія слезы струились изъ очей его!

Господь, *вспомъ человекомъ хотящій спастися, и въ разумъ истины прийти* (1 Тим. 2, 4), вель своего избраннаго такъ, какъ бы онъ не желалъ, но туда, куда желаетъ достигнуть, т. е. въ царство небесное; разными скорбями и испытаніями отрѣшалъ Господь душу его отъ міра, прежде нежели она отрѣшилась отъ тѣла.

Въ латинской автобіографіи искренно пишетъ онъ: «вспоминаая о протекшихъ дняхъ моей жизни, я не хотѣлъ издавать въ свѣтъ то, о чемъ, при случаѣ, молча, размышлялъ самъ съ собою: потому что не завидую другимъ въ славѣ или имени народномъ; не стараюсь снискать себѣ память у потомковъ, или благодарность отъ гражданъ. Самый опытъ убѣдилъ меня въ томъ, что всѣ, такъ называемыя, блага вѣка сего тлѣнны и мимотечны. Только бы меня, бѣднаго раба Христова, Отецъ нашъ, сущій на небесахъ, не отчуждилъ отъ завѣта своей благодати; только бы меня не ипаче возжелало блаженнѣйшее общество праведныхъ; только бы мнѣ, по смерти моей, выпалъ счастливый жребій получить жизнь вѣчную: одного-этого желаю, а касательно прочаго, каково бы оно ни было или чѣмъ бы ни казалось, я мало или вовсе не забочусь».

О. Митрофанъ, не чуждаясь живаго, помнилъ часъ смертный:

Будетъ время, и со мною
Смерть поступитъ, какъ съ травой.
Взмахомъ роковой косы
Посѣчетъ меня украдкой,
И поставитъ на вѣсы
Предъ Тобой, Исусе сладкій!

Не войди тогда со мной
По дѣламъ въ судъ грозный, строгій,
Но простивъ грѣхи мнѣ многи,
Со святыми упокой!

Надъ скромнымъ ложемъ его былъ изображенъ на стѣнѣ, въ настоятельскихъ покояхъ Знаменскаго монастыря, надгробный памятникъ съ надписью: *hic requiescam in pace* (здѣ почію въ мирѣ), а въ Богоявленскомъ монастырѣ—гробъ виванскаго Лазаря. Такимъ образомъ отходя ко сну, онъ поминалъ смерть, которой сонъ есть образъ и преддверіе. Какъ онъ внимателенъ былъ къ своимъ видѣніямъ во снѣ, въ какомъ благочестивомъ духѣ взиралъ на нихъ, видно изъ слѣдующаго стихотворенія, въ которомъ, выражая передъ родственникомъ свою радость по случаю изданія книги: «Радо-нежескій пустынный, Сергій чудотворецъ», — архимандритъ говоритъ:

Пишу еще въ стихахъ тѣ замогильны тайны,
Какія видѣлъ я во снѣ моемъ не разъ,
Какъ старецъ, вашъ отецъ, (е) и братья глазъ на глазъ
Являлись мнѣ; въ какомъ всѣ были положены,
Что завѣщали мнѣ объ ихъ поминовеньи...
Одинъ до васъ тогда касался разговоръ
(Все послѣ изложу). И не мечта, не вздоръ
Въ расказѣ будутъ томъ, а важныя видѣнья,
Какъ свыше данныя, и въ родѣ откровенья.
Хотите, вѣрьте мнѣ, хотите, другъ мой, нѣтъ,
Мнѣ трудно самому дать вѣрный въ томъ отчетъ.
Хоть правда, что и снамъ не всякимъ вѣрить должно,
А нѣчто принимать правдоподобно можно.
Вы знаете, что я и самъ не суетѣрь,
Не пустосвятъ, но цвѣтъ вещей что бѣлъ, что сѣръ,
Умѣю распознать... Вотъ первый сна образчикъ:
Разъ вижу предъ собой не гробъ, а красный ящикъ
Квадратный, мѣрю сажени въ двѣ иль три,
Обитый золотомъ не сверху, а внутри.
Тотъ ящикъ былъ пустой; лишь крестъ въ немъ напрестольный
Лежалъ на пеленѣ... Вдругъ со стороны угольной
Явился старецъ нашъ, священникомъ одѣтъ,

(е) Священникъ Никита Петровичъ. Изъ троихъ сыновей его одинъ жилъ на Кавказѣ.

И крестъ тотъ съ пеленой изъ ящика беретъ.
 «Пойдемъ, мнѣ говорить, я дамъ благословеніе
 Троицъ моимъ сынамъ: ихъ будто безъ призрѣнья
 Оставилъ я, и всѣхъ въ разрозненныхъ мѣстахъ».
 И сталъ онъ на амвонъ; я въ царскихъ былъ вратахъ.
 Смотрю: являетесь вы вмѣстѣ, трое братья,
 Другъ друга сжавшими въ тѣснѣйшія объятія,
 И пали предъ отцемъ. Возвысивъ крестъ святой,
 Онъ двумъ сказалъ: «останьтесь вы со мной;
 А ты, Василій, встань и этотъ крестъ неси
 Вотъ съ нимъ (ж), и на моей могилѣ водрузи».
 Ты всталъ (а прочіе лежали не вставая)
 И руки старчески съ слезами лобызая,
 Понесъ тотъ крестъ со мной изъ церкви вонъ.
 Тѣмъ кончились тогда видѣніе и сонъ (з).

Еще въ 1846 году о. архимандритъ жаловался (въ лат. автобіографіи) на болѣзнь въ ногахъ, отъ которой даже опасался умереть, и взывалъ съ псалмопѣвцемъ: *Господи, уповаіе мое отъ юности моея; въ Тебѣ утвердился отъ утробы, отъ чрева матере моея Ты еси мой покровитель... Не отвержи мене во время старости: внигда оскудѣвати крѣпости моея, не остави мене* (Псал. 70). За два года до кончины, онъ по временамъ чувствовалъ головокруженіе, и въ послѣдній—роковой для него годъ (1850 г.) часто говаривалъ, что ему недолго жить. Послѣднее его поученіе на 22-ю недѣлю по пятидесятницѣ (о богатомъ и Лазарѣ) осталось не дописаннымъ. Послѣднюю обѣдню онъ служилъ задумчивый, вмѣстѣ съ преосвященнымъ викаріемъ Филоооємъ (нынѣ архіепископъ Тверской), 13-го ноября, въ день праздника св. Іоанна Златоуста, въ томъ же Златоустовѣ монастырѣ, гдѣ совершилъ первую обѣдню въ санѣ архимандрита. На другой день онъ былъ въ консисторіи, а въ среду 15-го числа у него неожиданно открылись припадки водяной болѣзни: но еще онъ перемогалъ себя. «19-го числа я пришелъ къ нему пополудни, — пишетъ Нилъ Михайловичъ, — и увидѣвъ его пожелтѣвшее лицо, удивился. Родитель сказалъ мнѣ, что

(ж) Указавъ на о. Митрофана.

(з) Это было на 15-ое число сентября. Другія сновидѣнія не были записаны.

въ прошлую ночь онъ сильно страдалъ, но теперь, — благодареніе Богу, — чувствуетъ себя лучше. «Вчера, прибавилъ онъ, я подписался на консисторской повѣсткѣ, что нынѣшній день не могу быть (на царской панихидѣ) въ Архангельскомъ соборѣ, по болѣзни. Нынѣ утромъ, по этому случаю, владыка присылалъ Александра Петровича (своего секретаря) освѣдомиться о моемъ здоровьѣ.» Между тѣмъ его клонило ко сну, и онъ, разговаривая со мной, заснулъ. Проснувшись, говорилъ: «какой у меня прекрасный сонъ — тихій и спокойный! Это оттого, можетъ быть, что я провелъ эту ночь дурно.» вмѣсто лекарствъ, прописанныхъ врачомъ, онъ употреблялъ при мнѣ *богоявленную* воду, — часто, но понемногу принималъ ее. «Это лучшее лекарство, говорилъ онъ; такъ и чувствуешь, какъ благодать, ей дарованная, облегчаетъ внутреннюю боль.» — Послѣдовалъ минутный сонъ. — Пробудясь, онъ замѣтилъ мнѣ: «что ты все молчишь? Скажи мнѣ что-нибудь или почитай Московскія вѣдомости.» Надо замѣтить: онъ искренно любилъ отечество и принималъ живое участіе во всѣхъ судьбахъ его, особенно въ отношеніи къ духовенству и образованію ^(а). «Я сталъ читать, но голосъ измѣнилъ мнѣ и на моихъ глазахъ навернулись слезы. Видя мою грусть, онъ сказалъ: «да, пора и мнѣ умереть! Отецъ мой умеръ на 60-мъ году; братъ Петръ тоже ^(б); приходитъ и моя чередка. Довольно пожилъ; испыталъ въ жизни много скорбей, но Богъ посылалъ и радости. Я пользовался любовью многихъ; и начальство меня любило и награждало. Ты уже устроенъ (я былъ тогда діаконъ); благодарю милосердаго Бога!... Когда я умру, положи меня съ братомъ Петромъ». За тѣмъ о. архимандритъ медленно ходилъ по комнатѣ, держа за мою руку. — «Въ день ангела (23-го числа), сказалъ онъ, не стану никого звать, а уѣду куда нибудь, чтобы избѣжать суеты». Послѣ вечерни пришли навѣстить его нѣкоторые

(и) См. въ «Москвитянинѣ» (1850 декабрь), некрологъ арх. Митрофана.

(і) Священникъ Петръ Лаврентьевичъ, сдавши свое мѣсто, жилъ въ Знаменскомъ мон., при Митрофанѣ; сконч. 13-го сентября 1845 года.

изъ родственниковъ; онъ спокойно велъ съ ними разговоръ. Но къ ночи ему стало много хуже. Въ 9-ть часовъ прѣхалъ врачъ и положеніе больного призналъ весьма опаснымъ. Тогда мы послали въ Златоустовъ монастырь за духовникомъ іеромонахомъ Арсеніемъ^(к); онъ медлилъ.... Изъ аптеки принесено было новое лекарство. «Это послѣднее?» спросилъ больной нетвердымъ, едва внятнымъ голосомъ. Я, какъ могъ, успокаивалъ его, совѣтуя предаться всеблагой волѣ Божіей, и въ то же время предложилъ ему оособороваться, на что онъ исполнѣ согласился. Пока готовились монашествующіе, я, стоя на колѣнахъ у болѣзненнаго одра его и препобѣждая свое волненіе, читалъ вслухъ акаѳистъ Божіей Матери. Въ это время дыханіе его становилось очень трудно и двѣ слезы скатились изъ его глазъ.» Такъ, уста его уже не могли звать къ Тебѣ, благодатная, о предстательствѣ; но сердце его еще умоляло Тебя! Началось таинство елеосвященія. При чтеніи втораго Евангелія, страждущій о. архимандритъ, склонивъ голову на мои руки и племянника своего С. А. Л.—го тихо предалъ духъ свой Богу, въ три четверти 12-го часа ночи. Такъ внезапно найде на него часъ смертный!^(л) Духовникъ уже не засталъ его въ живыхъ: но тѣмъ, не менѣе онъ умеръ о Господѣ, слѣдственно можно уповать, что онъ узрѣлъ жизнь вѣчную. «Доброе сердце, чистые нравы, честность правилъ, благочестивый и просвѣщенный трудъ никогда не забываются у Бога. И самый свѣтъ, какъ онъ ни

(к) Свѣдѣніе о немъ см. въ Душеполезномъ Чтеніи 1867, ноябрь.

(л) Нилъ М.—чъ видѣлъ замѣчательный сонъ передъ выѣздомъ о. архимандрита изъ Златоустова въ Знаменскій мон. «Въ гостинной комнатѣ моего родителя, рассказывалъ онъ, сидѣли будто два архіерея въ полномъ облаченіи. Одинъ изъ нихъ преосв. Августинъ, портретъ коего висѣлъ надъ диваномъ (на портретѣ онъ также въ полномъ архіерейскомъ облаченіи), а другой неизвѣстный. Слышу: они говорятъ между собой: «пора намъ взять его!» Понимая эти слова въ отношеніи къ моему родителю, я началъ со слезами просить ихъ оставить его на землѣ: потому что я еще малъ и жить безъ него мнѣ трудно будетъ. Взглянувъ на меня, они сказали: «ну дадимъ ему десять лѣтъ.» Сонъ этотъ, видѣнный въ январѣ 1839 года, оправдался: родитель мой, чрезъ десять лѣтъ, сталъ жаловаться на расстройство здоровья, а въ 1850 г. *взятъ* изъ здѣшней жизни.

криводушенъ, не можетъ не сознать достоинства истинныхъ заслугъ.» ^(м)

Какъ скоро распространилась вѣсть о кончинѣ Митрофана, народъ во множествѣ притекалъ поклониться и *молитву пролить ко Господу* о упокоеніи души его. Въ день погребенія, 23-го ноября, когда празднуется обрѣтеніе мощей св. Митрофана, епископа Воронежскаго, многотрудное тѣло соименнаго ему настоятеля Богоявленскаго монастыря торжественно перенесено было въ нижнюю Казанскую церковь, похожую на усыпальницу, потому что въ ней погребены многіе знаменитые вельможи, которыхъ могилы означены великолѣпными памятниками съ надписями, фамилными гербами и портретами; здѣсь же надгробный камень на могилѣ Черниговскаго боярина Ѳеодора Михайловича Бяконта, родителя святителя Алексія. Божественную литургію въ монастырской церкви отправлялъ въ этотъ день преосвященный Филовей. За тѣмъ происходило отпѣваніе усопшаго, которое совершилъ, вмѣстѣ съ преосвященнымъ викаріемъ и прочимъ многочисленнымъ духовенствомъ, приснопамятный митрополитъ Филаретъ. И при этомъ обрядѣ онъ, блаженный, не могъ удержаться отъ слезъ: онъ хоронилъ своего постриженника и вѣрнаго слугу! Не трогательно ли было внимать «погребальнымъ молитвамъ о упокоеніи души архимандрита Митрофана — возносимымъ надъ тѣломъ его въ тотъ самый день, когда церковь воспѣвала имя святителя Митрофана?.. Она какъ бы передавая новопреставленнаго покровительству Прославленнаго, дабы, можетъ быть, тотъ же святой былъ руководителемъ его и тамъ, который былъ его хранителемъ здѣсь.» Такъ размышлялъ въ послѣднемъ прощальномъ словѣ ^(н), при гробѣ умолкшаго проповѣдника, о. протоіерей Параскевіевской церкви, что въ Охотномъ ряду, нынѣ кафедральнаго Архангельскаго собора, Петръ Евдокимовичъ Покровский, членъ консисторіи. Между окружавшими гробъ было много духовныхъ дѣтей, которыхъ покойный приобрѣлъ въ санѣ

(м) Изъ письма къ Митрофану Ѳ. Е. Яковлева, отъ 24 сент., 1848 года.

(н) Напечатано въ 1851 году.

іерея храма Николая чудотворца, но еще болѣе обычныхъ слушателей его краснорѣчивыхъ и вразумительныхъ бесѣдъ. Тѣло его, согласно его желанію, предано землѣ въ оградѣ Покровскаго монастыря, подлѣ его единственнаго роднаго брата. Литію при опущеніи гроба въ могилу, совершалъ преосв. Филовѣй. — На могилѣ архимандрита, усердіемъ его добраго сына, много плакавшаго о смерти своего родителя, поставленъ изящный памятникъ, въ видѣ пирамиды, увѣнчанной крестомъ: ибо у креста находятъ утѣшеніе всѣ, коихъ ничто въ свѣтѣ не можетъ утѣшить!

Въ заключеніе повторимъ два стиха изъ завѣщанія Митрофана къ сыну:

Отъ сердца къ Богу воздохни,
Меня въ молитвѣ помяни!

Архим. Григорій.

БОГОЧЕЛОВѢКЪ ВЪ ЦЕРКОВНОЙ ЖИВОПИСИ ^(а).

Послѣ общихъ замѣчаній объ изображеніяхъ челоѣка въ церковной живописи займемся обзоромъ отдѣльныхъ личностей. Нѣтъ никакой возможности говорить подробно объ изображеніяхъ каждой личности въ отдѣльности, и потому мы удовольствуемся замѣчаніями объ изображеніи личностей, которыя особенно часто встрѣчаются въ иконописи: — таковы изображенія Богочеловѣка, Богородицы, Предтечи, Апостоловъ и т. д.

Начнемъ замѣчаніями объ изображеніи Богочеловѣка.

По свидѣтельству церковныхъ историковъ: Евсевія, Созомена, Кедрина, упоминаемая въ Евангеліи кровоточивая жена, исцѣленная Господомъ нашимъ, въ знакъ своей благодарности, воздвигла изваяніе Спасителя въ городѣ Панадѣ (Кесарія Филиппова); но это, можетъ быть, очень сходное изображеніе, было уничтожено изувѣрствомъ язычниковъ при Юліанѣ отступникѣ. Во 2-мъ вѣкѣ у гностиковъ были изображенія Спасителя. Одна женщина въ Римѣ (секты Карпократа) воздавала поклоненіе Спасителю на ряду съ изображеніями Писагора и ап. Павла. Александръ Северъ въ своей моленной поставилъ съ изображеніями Авраама, Орфея, Аполлонія Тіанскаго и ликъ Христа Спасителя. Неизвѣстно, каковы были черты этого лика ^(б).

(а) Продолженіе статьи: «человѣкъ въ церковной живописи.» См. сентябрьскую и октябрьскую книжки Душен. Чтенія.

(б) Словарь христіан. древностей аб. Мартинья стр. 293, 332, 334.

Евангеліе, конечно, вѣрнѣйшій источникъ свѣдѣній о Господѣ нашемъ, но оно даже ученіе и чудеса Господни изображаетъ не многословно, а о внѣшности Спасителя говоритъ слишкомъ кратко. Изъ показаній евангелистовъ можно узнать, или вѣрнѣе, вывести, очень немного, именно: что внѣшнимъ образомъ Господь не отличался отъ своихъ учениковъ, или вообще отъ Галилеянъ (Мѡ. 26, 69 — 75); что, будучи кротокъ и смиренъ сердцемъ (Мѡ. 11, 29), Онъ иногда одушевлялся, во время бесѣды, и тогда говорилъ *со властію*, такъ, какъ никто изъ людей говорить не можетъ (Іоан. 7, 44 — 47), а въ обыкновенное время говорилъ тихо, опустя очи (Лук. 6, 20), можетъ быть отъ этого казался старше своихъ лѣтъ (Іоан. 8, 57). По воскресеніи внѣшній видъ Его настолько измѣнился, что и ученики иногда не узнавали Его (Мѡ. 27, 17. Лук. 24, 16. Іоан. 21, 12). Вотъ все, что можно узнать изъ Евангелія.

На памятникахъ древне-христіанскаго искусства Господь Іисусъ Христосъ изображался разнымъ образомъ. Первоначальный образъ представленія, самый древній — это символическій. Спаситель изображался въ видѣ рыбы (*ἰχθύς*), въ видѣ креста, въ видѣ агнца, въ видѣ добраго пастыря, несущаго на плечахъ заблудшую овцу, въ видѣ Орфея, игрою на лирѣ укрощающаго звѣрей....^(в)

Къ неменѣе глубокой древности относится господствующій нынѣ обычай изображать Христа въ длинномъ хитонѣ, съ длинными волосами, и небольшою раздвоенною бородою. Г. Муравьевъ въ Римскихъ письмахъ (Часть 1, стр. 274) и Мартини (стр. 333) упоминаютъ объ иконѣ II в., на которой Спаситель изображенъ сходно съ нынѣ принятымъ подобіемъ. Она находится въ Римскихъ катакомбахъ Каллиста

(в) См. Словарь Аб. Мартини. Сборникъ древнерус. искусства ст. Буслаева стр. 44. Странникъ 1867, ст. Катакомбы — май.—

и снимокъ приложенъ въ сочиненіи Мартиньи (на стр. 333). На другихъ древнихъ памятникахъ, а именно на христіанскихъ гробницахъ (саркофагахъ) Господь изображается также довольно сходно съ нынѣшнимъ: въ длинномъ хитонѣ и мантии, со свиткомъ, жезломъ, крестомъ или ключами въ рукахъ, но не въ зрѣломъ возрастѣ, а юнымъ, безбородымъ и кудрявымъ. Обычай изображать Христа въ этомъ послѣднемъ видѣ сохранялся еще до X вѣка, какъ видно напр. на мозаикахъ базилики св. Марка въ Венеціи ^(г). Замѣчаютъ, впрочемъ что древніе художники писали Спасителя юнымъ, когда въ изображаемомъ событіи Онъ являлся какъ Чудотворецъ, Сынъ Божій, Слово, искони соприисносущное Отцу; а когда писали Его въ качествѣ Просвѣтителя ^(д), Учителя, то придавали Ему бороду, атрибутъ зрѣлости, опытности, мудрости. И въ нашей сельской иконописи изрѣдка встрѣчается изображеніе Господа въ юномъ видѣ, — отголосокъ пріемовъ древнѣйшей поры искусства. Обыкновенно въ такомъ случаѣ Онъ пишется на облакахъ, сѣдящимъ за трапезою, на которой иногда поставляется хлѣбъ и чаша, наприм. на иконѣ Арх. Михаила (не вѣрнѣ ли сказать — Апокалипсическаго всадника?).

Въ 944 г. по усиленнымъ стараніямъ Греческаго Императора Константина Порфирогенета, изъ Едессы перенесенъ въ Константинополь нерукотворенный образъ Господень, чудесно отпечатлѣвшійся на убрусу. Не находимъ нужнымъ излагать здѣсь исторію св. Убруса до принесенія въ Царьградъ, потому что она всякому болѣе или менѣе знакома, по разсказу Четыхъ-Миней; передадимъ лучше преданіе о дальнѣй-

(г) Живописная энциклопедія 1847 г. т. 1. стр. 38.

(д) Мартиньи стр. 334.— Книга дорогая для христіанской археологін!

шей судьбѣ этой иконы, потому что оно довольно малоизвѣстно ^(е).

Замѣтимъ сначала, что вѣроятно со времени перенесенія св. Убруса въ Византію, и сталъ распространяться и повсюду утверждаться общепринятый типъ Спасителя, а прежніе разнообразныя приемы ^(ж) начали сглаживаться, исчезать ^(з).

Вотъ дальнѣйшая исторія св. Убруса. Константинопольскій императоръ Іоаннъ Палеологъ, за важныя услуги, оказанныя генуезскимъ флотомъ въ войну съ Сарацинами (по-

(е) Матеріаломъ послужать: статья о Нерукотвор. образѣ въ вѣдомостяхъ Моск. Городс. Полиціи 1848 г., № 84, и брошюра: Подробное сказаніе о Нерукот. образѣ Господа нашего Іисуса Христа, именуемомъ с. Убрусъ. Москва. 1865.

(ж) Блаж. Августинъ говоритъ: *Dominicae facies carnis innumera bilium cogitationum diuersitate uariatur et figuratur.* А св. Приней еще за двѣсти лѣтъ до Августина утверждалъ, что нѣтъ общепринятаго подобія Христова, См. словарь Мартини стр. 293.

(з) При патріархѣ Геннадіѣ одинъ живописецъ осмѣлился дать Господу Іисусу Христу черты Юпитера и за это у него отсохла рука. Испѣленъ молитвою св. Геннадія. Наказаніе послѣдовало конечно не за то, что живописецъ пренебрегъ условнымъ, общепринятымъ подобіемъ (мы видѣли, какъ долго его не было) и не за то, что взялъ за образецъ античное подобіе (писали же Спасителя въ видѣ Орфея, Улисса), а вѣроятно за то, что избралъ именно типъ Громовержца, и тѣмъ какъ будто провелъ параллель между нимъ и Спасителемъ. *Кое общеніе Христу со идолами?* А эта параллель была бы очень ярка, очень бросалась бы всякому въ глаза. Типъ Юпитера (конечно прекрасный въ художественномъ отношеніи) настолько оригиналенъ, выразителенъ, что, видѣвши его однажды, не узнать не возможно, и всякій христіанинъ, поклоняясь такой иконѣ, невольно воспоминалъ бы о Юпитерѣ. (Улицы и площади Константинополя были богато украшены изваяніями прежнихъ боговъ по свидѣтельству Кедрина). Пусть помнятъ этотъ случай живописцы, и не принимаютъ за писаніе лика Спасителя зря, какъ попало. *Со страхомъ Божиимъ и вѣрою* (и любовію, какъ прибавляютъ Греки) *присутствуйте.*

лов. 14 в.), пожаловалъ начальнику эскадры храброму моряку Леонардо Монтальто Эдесскій Нерукотворенный образъ Спасителя. Монтальто, въ послѣдствіи дожъ республики, съ величайшимъ благоговѣніемъ хранилъ безцѣнную святыню почти 20 лѣтъ въ своей семейной моленной, и ежедневно возжигалъ предъ нею свѣчу. Его душеприкащикъ Ардименто, сообразно его завѣщанію (1384), передалъ образъ армянскимъ монахамъ, чина св. Василія Великаго, въ монастырь св. Вареоломея, въ 1388 г., что значитъ въ архивахъ Генуэзской республики.

Въ 1507 г. Генуя была покорена Людовикомъ XII, и св. Убрусь похищенъ начальникомъ форта (castelletta), при помощи монастырскаго служителя Лоренца ди Варизи, и нѣсколько времени находился въ неизвѣстности. Возвращенный изъ Франціи, онъ, съ годъ, хранился въ кафедральномъ соборѣ Генуи, пока въ церкви св. Вареоломея не было приготовлено для него удобное и безопасное помѣщеніе, усердіемъ нѣкоего Франческо Ферраріо. Съ этого времени (1508) св. Убрусь хранится въ особомъ ковчегѣ за шестью замками, и сталъ выставляться на поклоненіе вѣрующихъ однажды въ годъ. Выставка совершалась каждый разъ по особому опредѣленію Сената. Изъ 11-ти ключей часовни первый хранился у дожа, — его носилъ государственный секретарь; другой въ потомствѣ Ф. Монтальто фамиліи Ферраріо, а потомъ Кавари. Въ 1537 году повелѣно было Сенатомъ выставлять образъ не въ Пасху, а въ Духовъ день, — какъ время болѣе удобное для пилигримовъ, по причинѣ ясной и сухой погоды. Съ 1654 г. по распоряженію папы Иннокентія XII въ монастырѣ св. Вареоломея вмѣсто Василіанъ заступили Варнавиты. Въ 1798 г. св. Убрусь остался непотревоженнымъ, и четыре года не былъ выставляемъ на поклоненіе народу. Съ 1805 г., по присоединеніи Лигуріи къ Франціи, выстав-

ки продолжались по просьбѣ Варнавитовъ, съ позволенія полицейскаго комиссара. По декрету 13 мая 1806 г. комиссаръ квартала св. Викентія всегда бываетъ при отпираніи и запираніи и письменно доносить объ этомъ. Съ 1810 по 1814 г. выставокъ не было; съ 1819 г. прежній порядокъ возстановился.

При выставкѣ Нерукотвореннаго образа соблюдается слѣдующая церемонія. Въ его часовнѣ совершается служеніе 9 дней сряду. Въ послѣдній день, по опредѣленію муниципалитета, вечеромъ, ковчегъ со св. Убрусомъ открывается въ присутствіи городскихъ властей и народа, а въ Духовъ день въ 6 часовъ утра выносятъ его на паперть и осѣняють народъ и городъ, послѣ чего онъ ставится на престолъ. Это повторяется 3 дня. Если народу очень много, то выносъ повторяется чрезъ каждые три часа, а въ промежутокъ этого времени народъ прикладывается. Вечеромъ третьяго дня св. Убрусъ кладутъ на мѣсто, при начальникахъ города, и составляется актъ, который хранится въ архивѣ города. Впрочемъ, по важнымъ причинамъ, открывается образъ Господень и въ неопредѣленное время. Такихъ случаевъ было донынѣ всего одиннадцать.

Спрашивается: нынѣ существующій въ Генуѣ образъ Господень есть ли подлинный св. Убрусъ? Вопросъ этотъ интересенъ для всякаго вѣрующаго, а тѣмъ болѣе онъ важенъ для церковнаго живописца. Если въ Генуѣ хранится подлинный нерукотворенный образъ Господень, — для христіанскаго искусства это радость и торжество: это древнѣйшій, точнѣйшій, совершеннѣйшій документъ! Уже если въ большей части священныхъ изображеній мы, вмѣсто историческихъ портретовъ, видимъ только условныя, преданіемъ и практикою искусства освященные черты, то по крайней мѣрѣ для изображенія Начальника вѣры мы имѣли бы историческую

точку опоры, — Его подлинный образъ! Къ сожалѣнію, подлинность генуезской святыни подвержена сомнѣніямъ ^(и).

1) Образъ этотъ былъ однажды похищенъ и нѣсколько времени (1507, 1508) находился въ неизвѣстности... Когда онъ снова возвратился, — кто могъ свидѣтельствовать, что этотъ образъ есть тотъ самый, который похищенъ, тѣмъ болѣе, что Убрусь Господень выставлялся на поклоненіе вѣрующимъ рѣдко, выставлялся на короткое время, прикрытый двойнымъ стекломъ?

2) Одинъ италіанскій священникъ Капеллетти, тщательно изслѣдовавшій этотъ вопросъ, признаетъ генуезскій образъ «писаннымъ рукою Ананіи, эдесскаго живописца», и вѣроятно имѣетъ къ тому основанія. Вѣдь грунтованное для письма полотно и чистый платъ или убрусь, рисунокъ отъ руки и фотографическій отпечатокъ на ткани, при внимательномъ изслѣдованіи, отличить не очень трудно.

3) Когда завоеванная Французами сѣверная Италія подпала совершенно ихъ власти, все картины, манускрипты, вообще все рѣдкости въ видѣ трофеевъ препровождались (1810) въ столицу Франціи. Нерукотворенный образъ остался въ Генуѣ, какъ «не древней живописи и малоцѣнный».

4) На поляхъ генуезскаго образа вышита исторія его якобы греческою царевною. Но это неправдоподобно, судя по тому, что на образѣ эдесскій епископъ представленъ въ латинской митрѣ.

5) Сенаторъ, дѣйств. тайн. совѣтникъ Горголи, занимавшійся вопросомъ о мѣстѣ нахождения св. Убруса и другихъ святынь, нарочно писалъ объ этомъ патріарху Константинопольскому, и вотъ сущность полученнаго имъ отвѣта: по

(и) Выше указанная мною брошюра противоположнаго мнѣнія. Пользуемся случаемъ рекомендовать приложенный къ ней снимокъ (на стали) генуезской иконы.

разграбленіи Цареграда крестоносцами въ 1204 г., похищенъ ими и Нерукотворенный образъ; но корабль, везшій эту святыню, равно какъ и драгоцѣнный престолъ Софійскаго храма, потонулъ въ Мраморномъ морѣ, и увлекъ въ пучину неоцѣненную святыню... Греческіе корабельные кормчіе, по преданію изъ рода въ родъ, помнятъ и указываютъ путешественникамъ въ Пропонтидѣ мѣсто, поглотившее священную добычу. Патріархъ прибавляетъ, что при введеніи Христіанства въ Россію, вѣроятно, были принесены и копіи съ Нерукотвореннаго образа, и что искать ихъ слѣдуетъ въ древнѣйшихъ церквахъ Кіева и Новгорода ⁽ⁱ⁾.

И такъ о видѣ Господа нашего Іисуса Христа мы можемъ знать только съ копій весьма отдаленныхъ и нѣкоторыхъ описаній.

Древнѣйшее изъ этихъ описаній, впрочемъ по многимъ

(i) Въ Москвѣ (вѣроятно принесенная Іоанномъ III послѣ покоренія Новгорода) есть такая икона, извѣстная подъ именемъ Корсунской, въ Успенскомъ соборѣ, другая въ Спасо-Андрониковѣ монастырѣ, третья въ церкви Владимірской Божіей Матери у старыхъ Никольскихъ воротъ, четвертая въ церкви Спаса за золотою рѣшеткою. О другихъ замѣчательныхъ иконахъ Нерук. образа см. въ вышеупомянутой брошюрѣ: Подробное сказаніе о Нерук. образѣ... Москва 1865. Въ началѣ XI в. находилась въ Римѣ одна икона, надѣлавшая много шума. Г. Перкенъ (1672—1742) посвятилъ ей цѣлый томъ. Особенно ставила въ тупикъ глубокомысленныхъ комментаторовъ подпись внизу. Мабильонъ полагалъ, что это значить abraxas—слово, употребляемое Василидіанами, какъ талисманъ. Перкенъ возопилъ противъ этого. Гардуэнъ началъ путать, къ чему былъ склоненъ отъ природы; о. Гоноре де Сентъ-Маріи доказалъ, что надпись—московская, и при помощи двухъ русскихъ медиковъ, открылъ, что эти слова суть: *Obraz Gospoden na oubrous*, которыя значать, по его словамъ: образъ Господень на убрусѣ. Это объясненіе подтверждено русскимъ царемъ Петромъ I во время пребыванія его въ Парижѣ 1717 г. (Вѣд. Моск. Город. Полиции, вторникъ, 20 апрѣля 1848 г., № 84-й.)

обстоятельствамъ признаваемое апокрифическимъ, есть донесеніе якобы іудейскаго проконсула Публія Лентула римскому сенату. Оно приложено къ рукописному Евангелію Іенской бібліотеки, написано золотыми буквами на пергаментѣ и подъ нимъ сдѣлано хорошее изображеніе лика Господня. Вотъ его переводъ. «Въ настоящее время явился у насъ, и нынѣ еще живъ, человекъ съ высокими качествами души и добродѣтельнѣйшій; имя Ему Иисусъ Христосъ. Народъ почитаетъ Его могущественнымъ и великимъ пророкомъ, а Его ученики называютъ Его Сыномъ Божіимъ. Онъ воскрешаетъ мертвыхъ и исцѣляетъ всякаго рода болѣзни и недуги однимъ словомъ Своимъ. Сей человекъ имѣетъ высокій и чрезвычайно стройный станъ, видъ Его исполненъ важности, необыкновенно выразителенъ и сильно дѣйствуетъ на всѣхъ, такъ что взирающіе на Него не могутъ не любить Его и вмѣстѣ съ тѣмъ не чувствовать предъ Нимъ какого-то необычайнаго благоговѣйнаго страха. Волосы Его имѣютъ цвѣтъ созрѣлага орѣха, безъ блеску и гладки до ушей, а отъ ушей до плечъ и ниже кудрявы и блестящи; посреди головы раздѣляются они на двѣ стороны, по обычаю Назореевъ. Чело гладкое и чистое; на всемъ лицѣ нѣтъ никакого пятна, и оно украшено легкимъ, темноватымъ румянцемъ; носъ и уста правильные; бороду имѣетъ такого же цвѣта, какъ и волосы на головѣ, густую но не длинную, раздвоившуюся на концѣ. Взглядъ Его тихъ, скромнень, величественъ и необыкновенно пріятенъ; глаза Его *небеснаго цвѣта*, проникающіе въ душу и блестящіе.... Ростъ Его высокій, руки прямая и чрезвычайно красивыя, и Онъ часто воздѣваетъ ихъ; плеча стройныя». (Занимаясь наружностію мы опускаемъ здѣсь описанія нравственныхъ качествъ, принадлежащія скорѣ перу христіанина, чѣмъ язычника).

«Сіяніе и величіе божества, говоритъ бл. Іеронимъ, со-

крытое въ плоти, просвѣчивало на Его лицѣ и придавало Ему привлекательность, которая покоряла всѣхъ, кто имѣлъ счастье созерцать Его». — «Можетъ быть, говорить Оригенъ, не доставало чего нибудь тѣлесной красотѣ Спасителя, но выраженіе лица Его было благородно, небесно!»

Послѣднее по порядку времени, но за то наиболѣе достовѣрное, описаніе принадлежитъ церковному историку (около 1350 г.). Никифору Каллисту. Вотъ его слова: «Вотъ изображеніе Господа нашего Иисуса Христа, какое только можно представить въ описаніи чрезъ письмо, всегда несовершенное: лицо Его замѣчательно было красотою и выразительностію. Ростомъ былъ Онъ по крайней мѣрѣ 7 палмъ (5 футовъ, 4 дюйма, 2 линіи). Волосы Его походили на русые; они были не слишкомъ густы, но нѣсколько курчавы на оконечностяхъ. Брови у Него были черныя, но не совсѣмъ круглыя; глаза каріе, исполненные необычайной жизни и необычайной красоты. Носъ прямой, правильный, борода русая и довольно короткая, но волосы на головѣ носилъ Онъ длинные. Онъ наклонялъ немного голову, и отъ того казался нѣсколько ниже. Цвѣтъ лица Его былъ почти пшеничный, когда пшеница начинаетъ поспѣвать. Лицо Его было ни кругло, ни продолговато; Онъ много походилъ на свою Матерь, особенно по нижней части лица и былъ нѣжно румянъ».

Св. Іоаннъ Дамаскинъ въ своемъ описаніи внѣшности Богочеловѣка прибавляетъ еще, что у него были сросшіяся брови — черта не встрѣчающаяся у другихъ описателей. — За нимъ повторили Елпій, Діонисій ^(в).

Да и можно ли придать этому Лику какія нибудь однооб-

(к) Всѣ эти описанія заимствованы изъ слѣд. сочиненій: Подробное Сказаніе о Нерукотв. образѣ, 1865. Москва; Вѣдомости М. Город. Полиціи; Археолог. Словарь Мартиньи; Труды Кіев. Д. Академіи, 1867, февраль; О иконописаніи. Москва 1845.

разныя черты, какое нибудь ясное выраженіе, когда въ лицѣ Богочеловѣка все—таинство, все—непостижимое сліяніе величія и униженія, блеска и тѣни, Божества и человѣчества? То бесѣдующій о красотѣ лилій, о свободѣ беззаботныхъ птицъ, то раздѣляющій суровые труды рыбаей; то милостивый и добрый, когда прощаетъ падшихъ, ласкаетъ дѣтей, указываетъ на небеснаго Отца, который посылаетъ дождь и солнце безъ разбора добрымъ и злымъ, то суровый и грозный, когда бичуетъ торгашей и лицемѣровъ; то изнемогающій отъ усталости, жажды и глада, то величественно-спокойный, когда однимъ именемъ Своимъ заставляетъ отступить цѣлую толпу, когда поражаетъ искуителя на горѣ сорокодневной.... Какая кисть, какое перо въ состояніи уловить образъ столь сіяющій и столь неопредѣленный, то меланхолическій, какъ лунное сіяніе, то строгій и поражающій, какъ раскаты грома! Агнецъ и левъ отъ Іуды, голубь и орелъ, камень претыканій, о который разобьются упавшіе на него, и который раздавитъ тѣхъ, на кого обрушится, *знаменіе прерѣкаемо* (Лук. 2, 34), невечернее Солнце, сіяющее въ полуночномъ туманѣ надъ волнами Галилейскаго моря! *Удивися Твой разумъ, Христе, отъ мене, услышавшу преславная вѣщанія смотрѣнія Твоего!* (Ирмол. гласъ 6-й, пѣснь 4-я). Выпадаетъ кисть и рѣзецъ изъ рукъ художника, когда онъ обдумываетъ, какимъ бы образомъ въ одномъ законченномъ видѣ выразить личность столь подвижную, характеръ столь чудно-двойственный, существо столь необыкновенное....

Церковному художнику остается придерживаться подобія, освященнаго преданіемъ церкви — это вопервыхъ; а вовторыхъ, сообразно мѣсту, времени, положенію дѣла—придавать, на изображеніи священныхъ событій, этому Лику выраженіе благопотребное и приличное. А все-таки какъ бы желательнее, чтобъ одинъ изъ самыхъ древнѣйшихъ и безспорнѣй-

шихъ (по мнѣнію знатоковъ иконнаго дѣла) снимковъ св. Убруса былъ, сколько возможно болѣе распространенъ въ безчисленныхъ экземплярахъ между художниками и вѣрующими! Изобрѣтеніе фотографіи и метахромотипии, даетъ къ этому повидимому самыя удовлетворительныя средства ^(а).

Въ заключеніе общихъ замѣчаній о наружности Господа Іисуса Христа сдѣлаемъ еще небольшую отмѣтку касательно иконъ св. Убруса. Въ старинныхъ сельскихъ церквахъ нерѣдко встрѣчаются древнія изображенія Нерукотвореннаго образа необычайной величины, съ ликомъ колоссальныхъ размѣровъ. Къ числу подобныхъ иконъ можно отнести образъ, находящійся въ Нижегородскомъ кафедральномъ соборѣ, принесенный изъ Суздаля и прославленный чудотвореніями. Впрочемъ онъ немного больше натуры, а случается видѣть ликъ

(а) Называемый греческимъ словомъ — *метахромотипія*, новоизобрѣтенный способъ воспроизведенія живописи — состоитъ въ слѣдующемъ: на приготовленной особымъ способомъ бумагѣ печатается требуемое изображеніе масляными красками, но не такъ, какъ обыкновенная хромолитографія, а въ обратномъ порядкѣ тоновъ, т.-е. цвѣта, долженствующіе лежать сверху, налагаются прежде, а уже на нихъ помѣщаются нижніе, основныя цвѣта, при чемъ краскамъ и тонамъ сообщаются особенная сила и густота. Полученное такимъ способомъ изображеніе, по свойству бумаги, на которой исполнено, и съ помощью нѣкоторыхъ приѣмовъ переводится всецѣло до малѣйшаго атома краски на какую угодно поверхность, на холстъ, дерево, желѣзо, стекло, такъ что краски всѣ перейдутъ на избранную поверхность, а бумага, на которой онѣ были прежде, снимается совершенно чистая. Въ результатѣ получаются изображенія, воспроизводящія подлинникъ съ самою строгою точностію, и какъ бы писанныя отъ руки. Такимъ образомъ иконы, исполненныя съ помощью метахромотипии, сохраняютъ всѣ достоинства иконописи, съ тою притомъ пользою, что десятки тысячъ иконъ будутъ всѣ одинаковы и всѣ какъ одна оригинальныя. Сынъ Отечества 1862 г. № 287. Этимъ способомъ печатаются Святцы Г. А. Солищева, да что-то очень ужъ медленно!

въ аршинъ длины! Не входя въ разсужденія о вкусѣ нашихъ предковъ, думаемъ, что такія иконы, вѣроятно, назначались для большаго разстоянія, ставились или на горнемъ мѣстѣ, или въ глубинѣ купола. И нынѣ, или писать ихъ вовсе не слѣдуетъ, или надобно ставить въ перспективѣ отдаленныхъ мѣстностей, потому что вблизи онѣ не всегда производятъ то впечатлѣніе, какого бы желалось благочестивому христіанину или развитому любителю искусства.

Изображенія *Христа-Младенца* очень распространены и въ восточной и въ западной живописи. Живописцы западные и наши подражатели ихъ особенно любятъ писать Его обнаженнымъ; иконописцы напротивъ всегда прикрываютъ Его одеждою; только на нѣкоторыхъ иконахъ можно видѣть отступленіе отъ этого обычая: открытыя колѣна (на иконѣ подъ названіемъ *Достойно*), или грудь (*Нечаянная радость*), или то и другое (*О всепѣтая Мати!*). Совершенно обнаженнымъ Младенецъ-Исусъ пишется только въ чашѣ Іоанна Крестителя. Живописцы, рисуя наготу младенческаго тѣла, вѣроятно, гонятся просто за красотой, хотя въ этомъ способѣ представленія есть доля вѣроятности. Въ Италіи и въ другихъ южныхъ мѣстностяхъ, нерѣдко можно видѣть играющихъ дѣтей совершенно безъ одежды. Благорастворенный климатъ благословеннаго юга позволяетъ возрасту невинности являться въ прародительской одеждѣ невинности. *Бѣста оба нага и не стыдятся* (Быт. 2, 25). Иконописцы избѣгаютъ наготы, вѣроятно, по чувству стыдливости. Впрочемъ и прикрытаго одеждою Богомладенца они изображаютъ большею частію неудачно. Христосъ-Младенецъ нашихъ иконописцевъ, по замѣчанію г. Булаева, «обыкновенно больше походитъ на маленькаго взрослого человѣка, съ рѣзкими чертами вполнѣ сложившагося характера, какъ бы для выраженія той богословской идеи, что Предвѣчный Младенецъ, не

раздѣляя съ смертными слабостей дѣтскаго возраста, и въ младенческомъ Своемъ образѣ являетъ строгій характеръ Искупителя и небеснаго Судіи» ^(м). Но Тотъ, Кто сдѣлался подобнымъ человѣкамъ и по виду сталъ какъ человѣкъ (Филип. 2, 7), — развѣ не раздѣлялъ слабостей дѣтскаго возраста ^(н)?

Господь (возрастной) изображается обыкновенно и преимущественно въ двухъ видахъ: или 1) въ *рабѣ зрацѣ*, въ томъ видѣ, въ которомъ совершалъ Свое высокое служеніе человѣчеству; или 2) какъ Царь царствующихъ, — Господь Вседержитель и Судія (Апок. 19, 15. Иса. 6, 1. Дѣя. 1, 9. 10. 11. Мар. 1, 13. Апок. 21, 10—27; 22. 1—5. 7. 16). Въ этомъ послѣднемъ качествѣ Онъ представляется неодинаково. Иногда Онъ представляется въ царскомъ одѣяннѣ и митрѣ — какъ царь и первосвященникъ, а иногда (чаще), тоже сидящій на тронѣ ^(о), но не съ покровенною главою и въ Своемъ обыкновенномъ одѣяннѣ. Древнѣйшее изображеніе (400 г.) въ этомъ послѣднемъ видѣ встрѣчаемъ въ археологическомъ словарѣ аб. Мартиньи, и оно очень сходно съ тѣмъ, какъ обыкновенно изображается въ нашей иконописи Господь Вседержитель, и отличается только латинскимъ сложеніемъ благословляющей руки ^(п).

Теченіе рѣчи привело насъ къ разсужденію о формѣ благо-

(м) Сборникъ Общ. Древне-Рус. искусства, 1866 г., стр. 20.

(н) Картина какого-то западнаго живописца, представляющая Христа-Младенца уснувшимъ, положи голову на крестъ, какъ на возглавницу, довольно удачно выражаетъ идею Искупителя. Но она не можетъ быть иконою въ строгомъ церковномъ смыслѣ и стилѣ, хотя выражаетъ въ граціозной формѣ строгую и возвышенно-печальную идею.

(о) Или на радугѣ (Быт. 9, 12, 13), какъ наприм. на серебряной иконѣ пожертвованной Константиномъ Великимъ въ Латеранскую базилику. Прав. Собесѣдникъ 1863 г. февраль.

(п) Въ церкви св. Агаѣи въ Равеннѣ; подобное въ церкви св. Аквиліана въ Миланѣ. См. Мартиньи стр. 436.

словающей десницы, какъ она изображается въ произведеніяхъ церковнаго искусства. Неизвѣстно, какимъ сложениемъ перстовъ благословлялъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ. Наши живописцы, нерѣдко копируя съ иностранныхъ образцовъ, придаютъ благословающей десницѣ два вида: или всѣ персты простерты, какъ будто для возложенія рукъ, или сложены по образу *латинскаго* перстосложенія, т. е. два меньшихъ перста пригнуты, остальные простерты. Иконописцы тоже пишутъ благословающую десницу Спаса въ двухъ видахъ: или даютъ перстосложеніе *именословное*, или старообрядческое, которое иные именуютъ *армянскимъ* замѣтимъ-довольно близкое къ латинскому). Мыслящій христіанинъ, конечно, не будетъ придавать существенной важности такимъ незначительнымъ разностямъ, тѣмъ болѣе, что исследователи древностей единогласно говорятъ, что древняя церковь не придавала особаго значенія этой разницѣ. Во многихъ древнихъ храмахъ на мозаикахъ и фрескахъ Спаситель на одной стѣнѣ благословляетъ погречески, на другой по-латински. Фоджини обнаружилъ барельефъ одного греческаго диптиха (помянника), на которомъ изображены вмѣстѣ апостолы Петръ и Андрей. Первозванный представитель восточной церкви, просвѣтителъ Византіи, благословляетъ погречески, а Петръ по латинскому обряду ^(p). Г. Буслаевъ въ своемъ сочиненіи объ иконописаніи представляетъ снимокъ миниатюръ одной рукописи VI в., находящейся въ Туринской библіотекѣ: пророкъ Іоиль благословляетъ погречески, Михей по-латински, или точнѣе сказать, старообрядческимъ крестомъ ^(e). Итакъ существенно важной разницы нѣтъ, но желательно, чтобы художникъ православный, пишущій для православныхъ, слагалъ благословающіе персты десницы Господней

p) Словарь Мартиньи стр. 85.

(e) Сборникъ общества древне-рус. искусства при стр. 86.
часть III.

по православному обряду, имянословнымъ перстосложеніемъ. Теперь обратимся снова къ прерванной бесѣдѣ объ одеждѣ.

Касательно цвѣта одежды замѣтимъ, что царское одѣяніе на Господѣ пишется или бѣлое, или багряное (пурпуровое); обыкновенное же такъ: хитонъ красный, верхнее облаченіе (риза) голубое или синее. — Не пускаясь въ символическое объясненіе этихъ цвѣтовъ, замѣтимъ, что отступать отъ этого преданія, освященнаго вѣками, безъ нужды не надобно. Мартиньи полагаетъ, что Господь носилъ одѣяніе бѣлое. Этотъ цвѣтъ былъ въ большомъ употребленіи у Евреевъ. Климентъ Александрійскій совѣтуетъ христіанамъ носить бѣлую одежду. Часть ризы Господней, хранимая въ Москвѣ, бѣлова-таго цвѣта ^(т). Изъ раздѣла одежды Іисуса Христа между прочимъ видно, что она была полна и прилична, и вообще между вещами, Ему принадлежавшими, едва ли были такія, которыя бы не стоили чего-либо. Тканый хитонъ показываетъ даже избытокъ и изящество, и, какъ повѣствуетъ преданіе, былъ плодъ трудовъ Его Матери. Если сравнить одѣяніе Іисуса Христа съ суровою, пустынною одеждою Іоанна Крестителя, то усматривается значительная противоположность, которая простиралась и на весь внѣшній образъ жизни Іисуса и Его Предтечи ^(у). Иконописцы обкладываютъ золотыми позументами оплечья и края рукавовъ. Когда Господь изоб-

(т) Въ Трирѣ (Trèves) сохраняется хитонъ Господень (якобы). Онъ походитъ на шерстяной и отъ давности лѣтъ цвѣтъ его трудно опредѣлить. Можно утвердительно сказать только то, что онъ ближе къ темному, чѣмъ къ свѣтлому. Мартиньи стр. 512.

(у) «Послѣд. дни земной жизни Господа нашего Іисуса Христа». Одесса. 1860 г. стр. 414. Не смотря на безчисленныя изобрѣтенія нашего времени, намъ неизвѣстенъ секретъ этихъ нешвенныхъ одеждъ, коринѣскаго металла, греческаго огня и другихъ изобрѣтеній древности.

ражается одинокій или сѣдящій на престолѣ Вседержитель, тогда это прилично; но когда Господь изображается среди исторической обстановки, позументы, золото — неумѣстны. Господь могъ сказать, какъ ученики Его: *сребра и злата нѣсть у Мене!* (Дѣян. 3, 6).

Обыкновенная обувь палестинскаго просто народа—грубья сандаліи; Господь не гнушался этой обувью.... О, вы, *въ путь узкій хожѣвшіи и прискорбный и крестъ, яко яремъ, вземшіи!* утѣшьтеся, *восклоните главы ваша!* Самъ *Начальникъ вѣры* и *Подвигоположникъ* странствовалъ по землѣ въ сандаліяхъ; но когда Господь изображается въ царскомъ одѣяніи, въ прославленномъ видѣ, не слѣдуетъ Его писать въ сандаліяхъ или съ босыми ногами. Ничто не должно напоминать о состояніи униженія. Все говорить о славѣ Его: тронъ, держава, скипетръ, вѣнецъ, порфира: зачѣмъ же ноги напоминаютъ *о рабѣи зраць?* На Царѣ славы все должно говорить о славѣ. *Исуса распятаго ищете?*— *Нѣсть здѣ!* (Мѣ. 28, 5).

На виньеткахъ разныхъ правоучительныхъ книжекъ можно нерѣдко видѣть картинку, гдѣ Господь, проповѣдующій въ Іерусалимскомъ храмѣ, представленъ въ чалмѣ. Отнюдь не принимая чалму за символъ исламизма (Евреи, Христіане носятъ ее на востокѣ также какъ Магомѣтане по требованію климата), мы тѣмъ не менѣе не желали бы видѣть Исуса Назорея *въ чалмѣ!* Евреи не носили никакой головной покрывки; въ случаѣ жара, вѣтру, холоду, защищали голову мантией. Единый приличный Ему головной уборъ—*терновый вѣнецъ*. Живописцы изображаютъ его сплетеннымъ изъ толстыхъ вѣтвей терна, красиво извитый, но съ страшными иглами. Иконописцы нерѣдко рисуютъ намъ, какъ два воина, по чему-то желѣзными клещами, надѣваютъ его на невинную главу. Зачѣмъ эти щипцы? По замѣчанію приснопамятнаго

автора «Послѣднихъ дней земной жизни Іисуса Христа» этотъ вѣнецъ былъ просто сплетенъ изъ первой колючей травы, какая росла на дворѣ преторіи Пилатовой, а не непременно изъ настоящаго терна; да хотъ-бы и изъ терна, развѣ грубыя руки палачей боялись дотронуться до терна безъ перчатокъ? Развѣ вѣнецъ былъ свить изъ раскаленныхъ желѣзныхъ прутьевъ? За чѣмъ же щипцы? ^(Ф)

Христосъ на Іорданѣ у иконописцевъ пишется такъ, какъ будто Онъ стоитъ подлѣ стѣны, на которой написаны Іорданъ и береговыя скалы; т. е. Христосъ обнаженъ, но не погруженъ въ воду, которая остается позади Его какъ декорація. Нехудо бы руководиться въ этомъ случаѣ однимъ изъ древнѣйшихъ изображеній крещенія (V в.) въ церкви Предтечи въ Равеннѣ: Христосъ стоитъ погруженный въ струи Іордана по поясъ ^(х). Это ближе къ дѣйствительности, къ погруженію....

Живописцы рисуютъ крещеніе весьма разнообразно. По большей части Спаситель препоясанный стоитъ по колѣна въ водѣ, — а можно ли на такой глубинѣ окунуться человѣку съ головою? Іоаннъ простираетъ надъ Нимъ руку, иногда по западному съ раковиной для обливанія, — а для чего обливать человѣка изъ маленькаго черепка, когда онъ стоитъ среди

(Ф) По мнѣнію нѣкоторыхъ путешественниковъ терніе вѣнца — трава, именуемая поарабски *набекою*, по листьямъ и цвѣту похожая на плющъ, и теперь во множествѣ растущая въ Палестинѣ. См. Послѣд. дни земной жизни Господа нашего Іисуса Христа. Изд. 2-е, Одесса 1860 г. стр. 360 и 517. По мнѣнію св. Аѳанасія Александрійскаго для вѣнца были употреблены вѣтви *атада* или *рамна*, самаго большаго изъ колючихъ растений Палестины. См. Душеп. Чтеніе 1867 г. декабрь; 1863 г. №№ 1—3.

(х) Рисунокъ и описаніе см. въ Сбор. Моск. Общ. древ. рус. искусства стр. 52. Къ сожалѣнію на указанномъ образцѣ Креститель поливаетъ голову Спасителя изъ раковины: черта чисто западная.

такого приволья воды? Другое дѣло, еслибы крещеніе происходило среди безводной степи.... Пишущему случилось видѣть еще болѣе замысловатый эстампъ: на заднемъ планѣ горы, покрытыя городами и селеніями (пустыня Іорданская)! Ближе широкая полоса Іордана; на первомъ планѣ, среди гротника, въ какой-то мелкой лужицѣ, вѣроятно въ заливѣ Іордана, на колѣнахъ стоитъ Господь, а Іоаннъ поливаетъ Его изъ раковины. Сколько несообразностей вдругъ! За чѣмъ креститься въ лужѣ, когда Іорданъ вполоть? Къ чему становиться на колѣна, когда погрузиться за мелководіемъ все-таки никакъ не возможно? На что обливанье при обиліи воды? А ужъ если непременно нужно обливанье, то не удобнѣе ли оно на берегу, на травѣ, чѣмъ въ тинистой заводи или въ лужѣ? Всѣ этѣ несообразности происходятъ отъ погони за оригинальностью, новостью композиціи!

Христосъ распятый. Первенствующая церковь избѣгала этого изображенія по очень понятнымъ причинамъ. Искупителя челоѣчества, Свѣтъ міра, Единороднаго отъ Отца выставлать въ такомъ позорномъ, такомъ ужасающемъ (скажемъ смѣло), въ такомъ унизительномъ, отвратительномъ видѣ опасно было на глаза только увѣровавшихъ, новосажденныхъ христіанъ (1 Кор. 1, 23). Язычники такъ зло, такъ жестоко издѣвались надъ распятымъ Богомъ! И потому въ христіанской иконографіи до временъ Константина нѣтъ ни малѣйшаго намека на ужасную казнь Агнца, закланнаго за грѣхи вселенной. Потомъ появляются намеки, довольно робкія указанія на кончину Искупителя ^(и): здѣсь вы видите среди цвѣточнаго вѣнка крестъ; тамъ—Агнца несущаго на плечѣ крестъ, или стоящаго у креста и облиатаго кровію; въ одномъ мѣстѣ крестъ среди двоихъ разбойниковъ, а надъ нимъ

(и) Мартини—Crucifix.

въ медальонѣ ликъ крестнаго страдальца; въ другомъ на жертвенникѣ или въ средоточіи креста заколенный Агнецъ.....^(ч) Новорожденная церковь боялась встревожить нѣжныя сердца потрясающимъ зрѣлищемъ позорной казни! Не ранѣе VI вѣка (586) является страшная икона^(ш) Распятія, и то въ глубинѣ Галліи (около 593 г), когда не только очевидцевъ этой пытки не осталось въ живыхъ, но и самое преданіе отъ времени утратило первоначальную яркость колорита. Но и то долго послѣ этой попытки церковь не смѣла изображать распятаго Богочеловѣка среди исторической обстановки. Пятошестій соборъ (692) запретилъ символическія изображенія: тогда стали писать Господа на крестѣ, но какъ будто не висящаго, а стоящаго, съ поднятою главою, въ хитонѣ (безъ рукавовъ-*colobium*), хотя по римскому обычаю—распинали преступниковъ обнаженныхъ, что и Евангеліе подтверждаетъ (Мѡ. 27, 35). Такъ писали еще въ началѣ VIII вѣка. Позднѣе, когда память безславной казни исчезла изъ воспоминаній народа, христіанское искусство понемногу стало осмѣливаться писать Распятаго безъ одежды, въ одномъ поясаніи. Любопытно видѣть, что въ глубинѣ Великоруссіи, въ глухихъ селеніяхъ, гдѣ не мало писанныхъ и рѣзныхъ иконъ Распятія въ церквахъ, благочестіе старушекъ препоясуетъ Распятаго дорогою пеленою отъ персей до ступни. Драгоценный знакъ (не въ обиду новѣйшему искусству будь сказано: оно право съ исторической точки зрѣнія) внутренней связи нашей церкви съ древнѣйшими преданіями христіанства!

Живописцы рисуютъ иногда распятаго Іисуса въ терновомъ вѣнцѣ, иногда безъ него; иконописцы—всегда съ непо-

(ч) См. статью о христ. живописи Прав. Собесѣдникъ 1865 г. февраль.

(ш) Мартини стр. 191.

кровенною головою. Которые ближе къ исторической правдѣ, не легко рѣшить. Но изображеніе въ терновомъ вѣнцѣ ярче выставляетъ насмѣшливый вопросъ Пилата: *Царя ли вашего распну?* (Іоан. 19, 15.) Терновый вѣнецъ на Распятомъ служитъ какъ будто поясненіемъ надписи: *Исусъ Назарянинъ Царь Іудейскій!* ^(ш)

Кстати о надписи. Иконописцы даютъ ей всегда видъ деревянной дощечки (или даже перекладыны, что очевидно излишне и напрасно), а живописцы чаще — видъ лоскута бумаги, полуразвернутаго на манеръ свитковъ. Первое, по нашему мнѣнію, вѣрнѣе: 1) пергаментъ и папирусъ были дороги; дешево и удобнѣе было употребить на это лубокъ (*liber*) или дощечку. 2) Полусвернувшаяся четвертка бумажки не удовлетворяетъ цѣли, для которой назначена. Гдѣ уписать на ней довольно сложную надпись, да еще на трехъ языкахъ? Кто разберетъ такую мелкую скоропись, тогда какъ Евангеліе утверждаетъ, что *мнози чтоша* (Іоан. 19, 20). 3) Сохранившееся *надписаніе вины* ^(ъ) имѣетъ видъ деревянной дощечки, а непергаментнаго или папируснаго лоскута. Показываемый въ Римѣ, въ базиликѣ Креста, обломокъ этой святыни имѣетъ 7 дюймовъ вышины и 13 длины. Матеріалъ, повидимому, дерево или лубокъ; буквы красныя по бѣлому полю. Надписи сохранилась самая незначительная часть.

Въ живописи церковной, обыкновенно вмѣсто надписи, вѣроятнo ради краткости, помѣщаются только начальныя буквы словъ и притомъ либо на одномъ русскомъ, либо на одномъ латинскомъ: *І. Н. Ц. І.*; *I. N. R. I.* На иконѣ Сорокина, извѣстной пишущему по удачному фотографическому

(ш) Авторъ «Послѣднихъ дней жизни Иисуса Христа», увѣряетъ что писаніе въ вѣнцѣ — древнее обыкновеніе, имѣющее видъ историческаго преданія. Стр. 396.

(ъ) Словарь Мартини стр. 193 и 513.

снимку, все три надписи воспроизведены на подлинныхъ языкахъ, съ надлежащею полнотою. Примѣръ достойный подражанія, хоть и неподражаемый, для сельскихъ мастеровъ.

Иногда, подражая западнымъ образцамъ, пишутъ Распятіа го висящимъ на трехъ гвоздяхъ, т.-е. будто ноги сложены одна на другую (и даже безъ подставки или подножія) и прибиты однимъ гвоздемъ. Очевидно трудно сдѣлать такъ, принимая въ расчетъ обыкновенную тяжесть человѣческаго тѣла. Развѣ у желѣзнаго Рима желѣзо было дороже папируса?

Касательно подножія замѣтимъ, что живописцы часто его опускаютъ, но почти все древнія изображенія Распятія имѣютъ подножія; это даетъ право предполагать, что подножіе было у Римлянъ дѣйствительно въ употребленіи ^(а). Почему иконописцы пишутъ подножіе всегда покривившимся, отъ лѣвой руки зрителя къ правой, сказать не можемъ ^(б).

Христосъ во славу. Иконописцы отличаютъ состояніе славы сіяніемъ вокругъ всей фигуры на иконахъ Преображенія, Воскресенія, Вознесенія. Живописцы воскресшаго и воз-

(а) Мартини стр. 193. Но «Послѣдніе дни земной жизни Иисуса Христа» стр. 392 и примѣч. стр. 522 л.—противоположнаго мнѣнія. Первый говоритъ о подножіи Григорій Туронскій (VII в.), не поминая источниковъ. С. Димитрій Ростовскій не высказываетъ рѣшительнаго мнѣнія.

(б) Въ словарѣ Мартини, въ дополненіе къ сказанному о распятіи, предлагаются еще слѣдующія, важныя для благочестиваго любопытства свѣдѣнія: Терновый вѣнецъ находится въ Парижѣ; гвоздь и игла отъ терна въ Трирѣ (Treves); хитонъ тамъ же. Плащаница въ городѣ Tübingen, губка въ церкви Іоанна Латеранскаго въ Римѣ, копіе въ Ватиканской базиликѣ. Касательно другихъ памятниконъ земной жизни и страданій Господа Мартини замѣчаетъ, что, будучи свидѣтельствомъ искренней вѣры и глубокаго благочестія нашихъ предковъ, они не все въ состояніи выдержать историческую критику. Напримѣръ вмѣсто четырехъ крестныхъ гвоздей, ихъ, по разнымъ мѣстамъ, насчитывается двадцать четыре.

носящагося Господа нерѣдко пишутъ почти совсѣмъ обнаженнымъ. Не лучше ли писать Его въ обычномъ одѣяніи? «Въ тотъ же конечно часъ, въ который воскресъ Христосъ изъ мертвыхъ, Онъ явился впервые Магдалинѣ, но явился въ одеждѣ вертоградяря въ тотъ же день, въ который воскресъ отъ гроба, явился Онъ двумъ ученикамъ Своимъ, шедшимъ за шестьдесятъ стадій отъ Іерусалима, но явился опять въ одеждѣ. Гдѣ Онъ могъ взять одежду, въ столь короткое время по воскресеніи? Конечно тамъ же, гдѣ берутъ ее Ангелы, когда, по изволенію Божію, являются людямъ, — т.-е. въ нѣдрахъ всемогущества Божія.» ^(б) Въ этихъ состояніяхъ славы, пожалуй, не мѣшало бы писать Спасителя и въ бѣломъ свѣтовидномъ сіяющемъ облаченіи. Но говоря вообще, обычное, красное одѣяніе лучше: оно напоминаетъ намъ побѣду Воскресшаго и Вознесшагося надъ врагами нашего спасенія, кровавымъ цвѣтомъ одежды свидѣтельствующаго о пораженіи ихъ и погубленіи. Въ такомъ видѣ представляется Онъ у пророка Ісаіи. *Кто сей пришедшій отъ Едома, червлены ризы Его? Сей красенъ во утвари зѣло съ крѣпостію. Почто червлены ризы Твоя, и одежды Твоя, яко отъ истоптанія точила?* (Ісаіи 63, 1. 2. 3.)

Разставаясь съ непостижимою и неизъяснимою личностію Бога, ставшаго человѣкомъ, Царя, пріявшаго рабій зракъ, заключимъ замѣчаніемъ, что ни одна личность исторіи и міеологіи, ни одно лицо Вѣтхаго и Новаго Завѣта, однимъ словомъ никто изъ земнородныхъ не служилъ столько расѣ задачею для искусства, тѣмою для безчисленнаго множества художниковъ всѣхъ степеней искусства и отраслей, всѣхъ вѣковъ, странъ и народовъ. Въ какихъ видахъ и положеніяхъ не изображали Его ^(в) искусства живописи, ваянія, музыки,

(б) См. ст. «Икона Воскресенія», Душен. Чт. 1867 г. апрѣль.

(в) Онъ былъ даже предметомъ каррикатуръ: на стѣнѣ дворца

поэзіи, исторіи! Какими облаками сомнѣній не стараются облагать лучезарную личность Богочеловѣка враги Его отъ фариисеевъ до Ренана и ему подобныхъ!—Отрадно думать, что, исключая этихъ *сыновъ погибели*, всему человѣчеству эта личность въ живописи, скульптурѣ, поэзіи, всегда и вездѣ, была, есть и будетъ предметомъ благоговѣйнаго созерцанія, размышленія, почтенія, любви, утѣшенія, отрады и надежды, радости и славы. Попомни это художникъ, когда берешь ты кисть, и намѣреваешься изобразить достопокланяемый ликъ Богочеловѣка, Искупителя міра.

Свящ. В. Владимірскій.

цезарей на горѣ Палатинской кинжаломъ или гвоздемъ на царапано было такое изображеніе,—очень неуклюжаго рисованья: человѣкъ съ ослиною головою распятъ на крестѣ, а другой стоитъ предъ нимъ и молится. Безграмотная греческая подпись гласитъ: «Алексаменъ покланяется своему богу!»—Ученый Іезуитъ Гаруччи добылъ дозволеніе вынуть, снять часть штукатурки, на которой начертано это странное изображеніе. Аб. Мартины видѣлъ въ музеѣ Кирхера эту замѣчательную рѣдкость, и приложилъ копію съ рисунка, въ словарь своемъ, къ статьѣ о клеветахъ, которымъ подвергались первенствующие христіане. (Стр. 95). *Слава долготерпѣнію Твоему, Господи!*